

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

11-го Марта № 8 1898 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Серебряная совесть и священническая честность.

Еще древніе говорили: „est Deus in nobis“, т. е. въ каждомъ человѣкѣ живетъ Богъ, каждый человѣкъ въ душѣ своей находитъ нѣкоторую силу, побуждающую его жить согласно съ волей Божіей и предпочитать добро злу. Эту силу, властно требующую отъ человѣка жить не такъ, какъ ему хочется, а какъ Богъ велитъ, и указывающую ему, что нужно считать добромъ и что зломъ, и называютъ обыкновенно совѣстью, голосомъ Божиимъ въ человѣкѣ, ибо она, по началу своему, есть не что иное, какъ именно вложенная самимъ Богомъ въ душу человѣка способность оцѣнивать нравственное достоинство поступковъ человѣка, награждать его спокойствіемъ душевнымъ за исполненіе того, что ею одобряется, и осуждать, лишая покоя душевнаго тѣхъ, кто не исполняетъ ея велѣній. И какъ бы человѣкъ не извратилъ свою нравственную природу, этотъ голосъ Божій въ немъ не можетъ быть совершенно заглушенъ ничѣмъ. Потому—то св. апостоль Павелъ и говоритъ, что даже язычники, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ; не имѣя закона, они сами себѣ законъ; они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ: о чемъ свидѣтель-

стаетъ совѣсть ихъ, и мысли ихъ, то обвиняющія, п.о оправдывающія одна другую (Рим. 11, 15).

Но если сущность совѣсти заключается въ свѣдѣтельствѣ о томъ, что добро и что зло, если совѣсть „есть не что иное, какъ отрвеніе воли Божіей о насъ въ нашемъ умѣ и волѣ“ (*Гаверилъ*), то какъ объяснить, что проявленія совѣсти столь различны въ различные вѣка и среди разныхъ народовъ, столь различны даже у современныхъ между собою лицъ? „Ближайшій отвѣтъ на это заключается въ томъ, что совѣсть не есть съ самаго начала совершенный органъ, но разсматриваемая съ своей субъективной стороны—она требуетъ развитія, образованія и воспитанія и можегь развиваться только въ единеніи со всѣмъ нравственнымъ существомъ челоуѣка“ (*Мартенсенъ*). А такъ какъ развитіе нравственнаго существа челоуѣка представляетъ различныя степени, то и проявленія совѣсти бывають различны. Такъ, извѣстно, что у нѣкоторыхъ людей совѣсть бываетъ „сожженная“, какъ говорить св. ап. Павелъ. Это совѣсть тѣхъ людей, которые находятся на низшей ступени нравственнаго паденія, на степени „скотоподобія“, какъ выразился одинъ богословъ. У нихъ страсти и пороки заглушили все доброе, заглушили и божественный голосъ совѣсти, который почти и не слышится въ ихъ душѣ, вслѣдствіе чего они безъ всякаго внутренняго смущенія „творятъ неподобная“. Къ счастью, такихъ людей немного, и сожженная совѣсть есть явленіе сравнительно рѣдкое. Гораздо чаще встрѣчаются люди, имѣющіе совѣсть „лукавую“ или „немошную“. Лукавая совѣсть есть достоинство тѣхъ людей, которые, творя зло, стараются оправдать себя предъ самими собою, стараются представить дурное дѣло хорошимъ, стараются подыскивать извиненіе себѣ въ различныхъ, якобы независящихъ отъ нихъ, об-

стоятельствахъ, въ степеніи непредвидѣнныхъ случайностей и т. п. Въ такихъ самооправданіяхъ они успокаиваются духомъ, и совѣсть ихъ хотя и признаетъ дѣянія ихъ до нѣкоторой степени несоотвѣтствующими требованіямъ нравственнаго закона, однако не возвышаетъ своего осуждающаго голоса, довольствуясь представляемыми ей извиненіями и оправданіями. Такое состояніе совѣсти настолько же почти опасно для человѣка, какъ и совѣсть сожженная, почему св. Церковь и научаетъ молиться „не уклони сердце мое въ словеса лукавствія *непщевати вины о грѣсахъ*“. „Немощная“ совѣсть, встрѣчающаяся еще чаще, чѣмъ совѣсть лукавая, проявляется въ неустойчивости сужденій о добрѣ и злѣ, въ недостаточной твердости своихъ требованій и т. п. Это—совѣсть людей непостоянныхъ, слабыхъ волею, не имѣющихъ твердыхъ и опредѣленныхъ правилъ жизни и дѣятельности.

Итакъ, чѣмъ ниже человѣкъ въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ и совѣсть его проявляетъ свою дѣятельность слабѣе. Потому-то людей безнравственныхъ и называютъ попросту безсовѣстными. Такихъ людей обыкновенно боятся, имъ не довѣряютъ, ибо всякій знаетъ, что сдѣлать зло своему ближнему для человѣка безсовѣстнаго ничего не стоитъ... Наоборотъ, человѣкъ высоконравственный, усвоившій себѣ сердцемъ и душою евангельскій законъ и его требованія, тѣмъ самымъ воспиталъ свою совѣсть, сдѣлалъ ее чуткою ко всякому малѣйшему отступленію отъ духа заповѣдей Господнихъ и безъ всякихъ оговорокъ подчиняется ея велѣніямъ. Для него нарушить требованія совѣсти—даже въ самыхъ, повидимому, незначительныхъ поступкахъ—значитъ обречь себя на нравственные терзанія, на душевную муку. Такую совѣсть, всегда стоящую на стражѣ нравственнаго закона и неумолимо обличающую человѣка за

всякое отступленіе отъ требованій этого закона, Св. Писаніе называетъ совѣстью доброю, благою, а людей, имѣющихъ такую совѣсть, называютъ обыкновенно людьми совѣстливыми.

Итакъ, совѣсть бываетъ, вообще говоря, или злая или благая (то и другое въ различной, конечно, степени), и такое различіе ея зависитъ отъ нравственнаго уровня, на которомъ стоитъ человѣкъ. Слѣдовательно, ни званіе, ни состояніе, ни внѣшнее положеніе человѣка не могутъ быть показателями того, какова его совѣсть. И бѣдный и богатый, и знатный и простолюдинъ одинаково могутъ быть какъ безсовѣстными людьми, такъ и совѣстливыми, одинаково могутъ имѣть или совѣсть благою, или совѣсть лукавою. Потому-то никогда не говорится, напр., о совѣсти людей бѣдныхъ или богатыхъ, высокопоставленныхъ или простыхъ. Такое опредѣленіе совѣсти ничего не говорило бы, потому что, какъ замѣчено, положеніе человѣка не характеризуетъ состоянія его совѣсти. Но если такъ, то что-же значить часто употребляемое выраженіе „іерейская совѣсть“. Обозначается ли этимъ особый видъ совѣсти, не подходящій подъ категорію благой и злой, или этимъ выражается нѣчто другое?

Чтобы понять, что выражается словами „іерейская совѣсть“, необходимо обратить вниманіе на то, что такое іерей и какими нравственными качествами онъ долженъ отличаться.—Пастырское служеніе есть высочайшее служеніе на землѣ. Оно есть служеніе духа и правды, служеніе мира и любви. „Оно, какъ выражается св. Іоаннъ Златоустъ, хотя и совершается на землѣ, но принадлежитъ къ порядку небесныхъ учрежденій“, ибо „не человѣкъ, не ангелъ, не архангелъ, не другая какая сотворенная сила, но Самъ Утѣшитель установилъ это служеніе“. Не менѣе

высоки и обязанности, возлагаемыя на пастырей. Они должны словомъ истины привлекать къ церкви и удерживать въ нѣдрахъ ея людей, должны возраждать ихъ водою и духомъ, должны питать ихъ души благодатию Св. Духа, подаваемою въ таинствахъ, должны быть для христіанъ наставниками, учителями, руководителями, должны утѣшать страждущихъ, примирять враждующихъ, „для всѣхъ сдѣлаться всѣмъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ“ (1 Кор. 9, 22).

Въ соотвѣтствіе съ такой высотой какъ званія пастырскаго, такъ равно и тѣхъ обязанностей, какія возлагаются на пастырей, отъ нихъ требуется и особая нравственная чистота, требуется, чтобы они стояли на высшей возможной для человѣка степени нравственнаго совершенства, чтобы достигали возможной для человѣка святости и безгрѣшности. Для достиженія такого состоянія пастыри получаютъ благодать Божію, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую. Посредствомъ взаимнаго содѣйствія божественной благодати и человѣческой свободной дѣятельности и можетъ быть достигнутъ тотъ высшій уровень нравственнаго совершенства, на которомъ долженъ стоять священникъ.

Такимъ образомъ, по самой идеѣ о пастырскомъ служеніи, пастырь долженъ быть человѣкомъ высоконравственнымъ, долженъ при помощи благодати Божіей воспитать свою душу въ строгомъ и полномъ подчиненіи всѣмъ требованіямъ нравственнаго христіанскаго закона. Если же такимъ долженъ быть пастырь въ нравственномъ отношеніи, то отсюда понятно, что совѣсть пастыря, *совѣсть іерейская*, должна отличаться всѣми тѣми совершенствами, какія только возможны для совѣсти человѣческой. И прежде всего, она должна отличаться особой *чуткостью*. Подобно

бдительному стражу, отъ котораго не укроется ни малѣйшій подозрительный шорохъ со стороны непріятельскаго лагера, котораго непріятель никогда не захватить врасплэхъ, который всегда во время предупредить доврившихся его охранѣ о приближеніи опасности,—подобно этому и совѣсть іерея всегда неусыпно должна бодрствовать на стражѣ его внутренняго „я“, всегда предупреждать его объ опасностяхъ, которымъ такъ легко подвергается человѣкъ, увлекаемый похотями плоти, очесъ и гордости житейской. Міръ, такъ какъ онъ во злѣ лежитъ, много соблазновъ представляетъ человѣку, и представляетъ иногда въ такомъ видѣ, что человѣку, совѣсть котораго не отличается особой чуткостью, трудно бываетъ во-время остеречься отъ увлеченій этими соблазнами. Ничего подобнаго не должно быть съ іереємъ: его совѣсть не должна позволять себѣ быть обманутой никакими прикрасами грѣха, но всегда показывать носителю ея грѣхъ въ его настоящемъ видѣ. Конечно, такая чуткость совѣсти можетъ быть достигнута только путемъ тщательнаго самонаблюденія, путемъ внимательнаго отношенія къ себѣ и къ окружающимъ человѣка явленіямъ нравственнаго міра, путемъ тщательнаго воспитанія самой совѣсти. Эготъ процессъ воспитанія долженъ совершаться еще до принятія высокаго сана іерейскаго, въ періодъ подготовки къ пастырскому служенію...

Но какъ стражъ только тогда можетъ своевременно, не возбуждая ложной тревоги, предупредить объ опасности, когда онъ хорошо знаетъ, какія дѣйствія непріятеля слѣдуетъ считать угрожающими осажденнымъ, такъ и чуткость совѣсти, выражающаяся въ своевременномъ предупрежденіи человѣка о нравственной опасности, возможна лишь тогда, когда совѣсть ясно сознаетъ, что должно считать опаснымъ

и что никакой опасности не представляет. А такое сознание, или, что то же, *справедливость въ оцѣнкѣ нравственнаго достоинства поступковъ*, можетъ быть достигнута лишь подѣ условіемъ яснаго и точнаго усвоенія пастыремъ нравственнаго закона христіанскаго, усвоенія не по буквѣ только, но и по духу. При этомъ, такъ какъ пастырское служеніе есть служеніе особое, и нравственность пастыря должна стоять выше того уровня, который обязателенъ для всѣхъ вообще христіанъ, то посему пастыри всегда должны помнить, что не все, дозволенное христіанамъ вообще, дозволено и имъ, ибо, какъ говорить св. ап. Павелъ, „все мнѣ позволительно, но не все полезно; все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною; все мнѣ позволительно, но не все назидаетъ“ (1 Кор. VI, 12, 10, 23). Поэтому совѣсть іерея должна быть справедливою въ оцѣнкѣ не въ томъ смыслѣ, что она должна безошибочно опредѣлять нравственное достоинство поступковъ съ точки зрѣнія общехристіанской морали, но должна оцѣнивать ихъ съ высшей точки зрѣнія, именно—съ точки зрѣнія морали іерейской.

Наконецъ, послѣднее качество, какимъ должна отличаться совѣсть іерейская. Это ея *неумолимость (строгость, неподкупность)*, не позволяющая ей входить ни въ какіе компромиссы съ самой собою, не позволяющая ей оставлять безъ вниманія и наказанія никакого нарушенія требованій добра и справедливости. Уже въ самой природѣ совѣсти заложено начало судебное, начало, наказующее преступника, преслѣдующее его внутренними терзаніями, отъ которыхъ онъ уйти не можетъ. Примѣръ этому мы видимъ въ лицѣ Каина, который, будучи бѣглецомъ и странникомъ на землѣ, напрасно старался убѣжать отъ самаго себя и того обвиненія, которое раздавалось изъ глу-

бины его существа, будучи въ то же время его самообвиненіемъ. Но этотъ осуждающій голосъ въ совѣсти іерея долженъ раздаваться громче и сильнѣе, чѣмъ въ душѣ другихъ людей, и не долженъ поддаваться никакимъ стороннимъ вліяніямъ и воздѣйствіямъ. Ни вишія выгоды и удобства, ни ухищренія злой воли, ни хитросплетенные доводы разсудка не должны заставить совѣсть іерея измѣнить самому себѣ или вынудить у него согласіе на дѣяніе не только злое, но даже и сомнительнаго достоинства. Результатомъ правильной и энергичной дѣятельности совѣсти въ указанныхъ выше направленіяхъ является особое ея состояніе, которое можно назвать *чистою или незазорною*, т. е. такое ея состояніе, при которомъ она не имѣетъ никакого основанія упрекать іерея въ нарушеніи какого-либо предписанія нравственнаго закона. Такое именно состояніе совѣсти и разумѣютъ, когда говорятъ о совѣсти іерейской. Слѣдовательно, *совѣсть іерейская — есть* (по крайней мѣрѣ должна быть) *совѣсть чистая, незазорная*. Безъ такой совѣсти іерей не имѣетъ нравственнаго права и быть іереемъ, ибо если, по словамъ творца Великаго канона, для всѣхъ людей „ничтоже въ мірѣ нужнѣйше есть чистой совѣсти“, то тѣмъ болѣе это необходимо для того, кто самымъ званіемъ своимъ призванъ быть „свѣтомъ міру“. Потому-то такъ часто въ молитвахъ, возносимыхъ іереемъ, выражается прошеніе о томъ, чтобы Господь помогъ служителю Своему сохранить совѣсть чистою, незазорною...

Итакъ, когда называютъ совѣсть «іерейскою», то этимъ хотятъ выразить мысль объ особой чистотѣ и незазорности ея,—такой ея чистотѣ, которая бы вполнѣ соотвѣтствовала какъ высотѣ пастырскаго служенія и важности тѣхъ обязанностей, какія на іереевъ возлагаются, такъ равно и тому

довѣрію, какое оказывается пастырямъ, — довѣрію, въ силу котораго они, напр., не приводятся къ присягѣ. Въ случаѣ надобности они даютъ показаніе „по священству“ (Св. зак., т. XV, разд. 2, ст. 265), такъ какъ предполагается, что совѣсть ихъ настолько чиста и настолько строга, что и безъ особыхъ внѣшнихъ побужденій, какимъ является присяга для другихъ лицъ, не дозволить имъ дать ложное показаніе.

Изъ сказаннаго очевидно уже, когда іерей теряетъ обязательную для него чистоту совѣсти. Не распространяясь, скажемъ, что если онъ нерадивъ въ исполненіи своихъ обязанностей, или если и выполняетъ ихъ, но не ради Іисуса, а ради хлѣба куса, безъ сердечнаго участія, лишь бы была соблюдена форма, онъ уже не есть истинный іерей, пастырь, — онъ уже наемникъ, и его совѣсть не можетъ быть названа совѣстью чистою. Тѣмъ болѣе омрачается его совѣсть, когда онъ дозволяетъ себѣ нарушать въ чемъ-либо требованія закона нравственнаго и закона церковнаго, напр., дозволяетъ себѣ неумѣренное употребленіе вина, не соблюдаетъ постовъ, ведетъ жизнь, вообще говоря, неприличную пастырю. Съ такой нечистой совѣстью ему нельзя и приступать къ престолу благодати и предомылять хлѣбъ жизни, ибо къ страшному престолу можно приступать лишь съ чистою и незазорною совѣстью, — съ такою совѣстью, которая не обличаетъ ни въ чемъ ея носителя, но не обличаетъ не потому, что она сожжена или лукава, а потому, что дѣйствительно ей не въ чемъ упрекать того, кому она принадлежитъ.

Но кромѣ выраженія „іерейская совѣсть“, очень часто употребляется еще выраженіе „священническая честность“. Что же такое эта священническая честность? Понятіе честности употребляется обыкновенно въ довольно ограниченномъ смыслѣ. Такъ, мы называемъ честнымъ того, напр.,

купца, который не обвѣшиваетъ покупателей, не продаетъ гнилаго товара за свѣжій, не старается во вредъ своему конкуренту распускать про него дурные слухи и т. п. Честнымъ мы называемъ того чиновника, который аккуратно и съ должной внимательностью относится къ своей службѣ, не уклоняетъ данныхъ ему вѣсовъ правды ни одесную ни ошую, не зрѣть на лице, поборяя по истинѣ. Честнымъ мы называемъ и того ученаго, который въ своихъ научныхъ изысканіяхъ руководится не корыстью или общественнымъ мнѣніемъ, но интересами науки, благомъ ближнихъ, и который не стѣсняется свидѣтельствовать предъ всѣми открытую имъ истину, хотя-бы она, какъ Иисусъ Христосъ предъ Иродомъ, казалась многимъ странною и вызывала противъ открывшаго ее негодованіе толпы. Словомъ, называя того или другаго человѣка честнымъ, мы принимаемъ во вниманіе прежде всего, если не исключительно, его отношеніе къ тѣмъ обязанностямъ, какія на него возложены въ обществѣ. По сфера отношеній человѣка этимъ не ограничивается. Каждый человѣкъ находится во взаимоотноеніи съ другими людьми и внѣ сферы своихъ, такъ сказать, официальныхъ отношеній. И вотъ, если въ отношеніи къ другимъ людямъ всегда и вездѣ онъ дѣйствуетъ такъ, какъ должно, какъ того требуетъ основная заповѣдь христіанская, такого человѣка мы называемъ „честнымъ человѣкомъ“. Очевидно, что понятіе „честный человѣкъ“ шире понятія „честный купецъ“, „честный чиновникъ“ и т. д., потому что можно быть честнымъ купцомъ, но не честнымъ человѣкомъ. Наоборотъ, честный человѣкъ во всѣхъ положеніяхъ и во всякомъ званіи будетъ честнымъ. Честный человѣкъ, напр., не можетъ быть нечестнымъ купцомъ, потому что въ такомъ случаѣ онъ престанетъ быть честнымъ человѣкомъ. Но если такъ

то что же такое честность священническая? Неужели, требуя, чтобы іерей имѣлъ честность *священническую*, мы тѣмъ самымъ какъ бы не считаемъ для него обязательной честности въ болѣе широкомъ смыслѣ?

Въ отвѣтъ на это скажемъ слѣдующее. Священство есть такое званіе, которое обязываетъ человѣка, удостоившагося получить его, быть образцомъ для другихъ во всѣхъ отношеніяхъ. „*Образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою*“ (1 Тим. IV, 12)—заповѣдуетъ св. апостоль Павелъ всѣмъ іереямъ, т. е. іерей долженъ быть и образцовымъ человѣкомъ и образцовымъ пастыремъ. И послѣдняго онъ можетъ достигнуть не иначе, какъ только подъ условіемъ перваго. Если въ жизни наблюдается иногда такое явленіе, что, напр., честный купецъ бываетъ въ то же время нечестнымъ человѣкомъ, то такое раздвоеніе въ лицѣ пастыря невозможно. Честный священникъ не можетъ быть нечестнымъ человѣкомъ, ибо на дѣло пастырскаго служенія должны быть посвящены всѣ силы человѣка, вся его личность, а потому малѣйшее нарушеніе честности пастыремъ, какъ человѣкомъ, налагаетъ на него пятно безчестія и какъ на священника. Такимъ образомъ, выраженіе „честность священническая“ обозначаетъ высшую степень честности и притомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому то св. Амвросій Медиоланскій и говоритъ, что „*honor sacerdotalis nullis poterit comparationibus adaequari*“.

Но этого еще мало. Честность или нечестность обыкновенно проявляется въ сферѣ внѣшнихъ отношеній. Честность человѣка проявляется въ его поступкахъ и есть соотвѣтствіе ихъ съ правилами и требованіями христіанской морали, требованіями долга, званія. При этомъ внутренняя, такъ сказать, подглядка дѣяній человѣка, мотивы его дѣятельности не всегда принимаются во вниманіе. Для насъ

бываетъ иногда безразлично, почему человекъ поступаетъ честно, — лишь бы только онъ такъ поступалъ. Пусть купецъ и вовсе не имѣетъ расположенія торговать честно, пусть онъ поступаетъ такъ изъ страха или корыстныхъ расчетовъ, и все-таки мы его считаемъ честнымъ купцомъ. Но въ отношеніи честности священнической требованія гораздо строже: *священническая честь должна* имѣть въ основѣ своей не какія либо низкія и корыстныя цѣли (награды, отличія и т. п.), а *быть проявленіемъ благой совѣсти*, стремящейся всегда и во всемъ выполнять высшія требованія христіанской морали изъ любви и уваженія къ этимъ требованіямъ, — такъ, чтобы никогда не было разлада между благимъ и честнымъ дѣломъ пастыря и его желаніями и стремленіями.

Такова должна быть честность священническая. Конечно, жизнь представляетъ намъ нерѣдко примѣры иного пониманія честности священнической, и притомъ самими священниками. Нѣкоторые изъ нихъ предполагаютъ, что честность должна состоять лишь въ томъ, чтобы на виду у другихъ ни въ чемъ не нарушать требованій честности. Если же что-либо можно учинить, хотя и безчестное само въ себѣ, но безнаказанное, — потому ли, что оно совершено тайно, или потому, что совершившій сумѣлъ ловко опереться на законъ, — таковой поступокъ безчестнымъ не считаютъ. А что это дѣйствительно такъ, достаточно, для примѣра, припомнить одинъ лишь фактъ, налагающій клеймо позора на нѣкоторыхъ іереевъ, именно — фактъ частыхъ и притомъ анонимныхъ доносовъ. Фактъ этотъ, повторяемъ, въ высшей степени позорный, — свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что совершающіе его утратили истинное понятіе о священнической честности и что они не могутъ по праву претендовать на почетный титулъ не только честнаго священника,

но и просто честнаго чловѣка. Составитель анонимныхъ доносовъ представляется особенно низкимъ, безчестнымъ потому, что, сохраняя по внѣшности вполне дружескія отношенія съ ближнимъ своимъ, преимущественно сослуживцемъ, собратомъ іереемъ, въ то же время старается своимъ доносомъ (иногда завѣдомо ложнымъ) тому-же ближнему своему, другу и пріятелю причинить вредъ. При размышленіи объ этомъ, невольно воскресаетъ въ нашемъ умѣ мрачный образъ *друга* Господня, Іуды Искаріотскаго, снискавшаго себѣ гнусное имя предателя. Не ему-ли уподобляются доносчики, не его-ли честности подражаютъ? Да, строго говоря, если только здѣсь можетъ быть рѣчь о какой-бы то ни было честности, то Іуда, предавый Господа, поступилъ честиѣе составителей анонимныхъ доносовъ. Рѣшивъ предать Того, Который удостоилъ Своихъ апостоловъ высокаго званія друзей Сына Человѣческаго, Іуда идетъ къ первосвященникамъ и смѣло и открыто говоритъ имъ: „что вы дадите мнѣ, я вамъ предаю Его?“ (Матѣ. 26, 15). Такимъ образомъ, за Іудой то преимущество, что онъ, по крайней мѣрѣ, не скрывался предъ тѣми, кому предавалъ Господа. Анонимные же доносчики совершаютъ дѣло предательства, но въ то же время считаются у людей, а то, пожалуй, и у самихъ себя, честными людьми. Нѣтъ, не такова должна быть честность священническая. Не предъ людьми только іерей долженъ стараться о снисканіи званія „честный“, ибо честный въ глазахъ людей можетъ быть иногда безчестнымъ и мерзкимъ въ глазахъ Божіихъ. Только тогда священникъ можетъ быть честнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, когда всѣ дѣла его и поступки будутъ вытекать изъ требованій благой и незазорной совѣсти, когда, слѣдовательно, онъ честенъ не по поступкамъ только, но и по мыслямъ и по настроенію.

А. Н.

(Подолец. Еп. Вѣд.)

ОТЧЕТЪ

о состояніи Екатеринбургской Церковно-Учительской школы по учебно-воспитательной части за 189⁶/₇ учебный годъ.

(Продолженіе *).

Дежурный надзиратель во время вечернихъ занятій слѣдилъ за воспитанниками, помогая слабѣйшимъ по успѣхамъ своими разъясненіями труднаго урока, увѣщавая и побуждая къ занятіямъ лѣнливыхъ. Слѣдилъ за чтеніемъ книгъ, рекомендуя хорошія и предостерегая отъ плохихъ и отбирая занесенныя со стороны книги: требовалось, чтобы книги, привезенныя изъ дому или взятыя отъ родныхъ, давались прежде для просмотра надзирателямъ, а въ публичныхъ библіотекахъ записываться и брать книги было запрещено. Вообще же общая жизнь надзирателей съ учениками сближала первыхъ съ послѣдними, устанавливая искреннія отношенія, замѣняя внѣшнія связи внутренними, дѣлая надзирателей совѣтниками и руководителями, къ которымъ воспитанники безъ стѣсненія обращались со своими недоразумѣніями и нуждами и находили искренній совѣтъ, поддержку и сочувствіе. Настойчиво стремясь ввести жизнь воспитанниковъ въ опредѣленныя рамки, соотвѣтствующія строю школы и будущему ихъ призванію, надзиратели старались дать соотвѣтствующее направленіе ихъ мыслямъ и чувствамъ,—такъ, чтобы внѣшнее и внутреннее органически совпадало и не оказалось бы, что исполнительность—лишь въ школѣ и на глазахъ начальства и сбрасывается, какъ тяжелое иго и какъ ненужная форма, не только по выходѣ изъ школы, но и въ школѣ, если только есть надежда, что такія уклоненія не будутъ замѣчены и не подвергнутся взысканію. Слѣдя за поведеніемъ учениковъ и вникая въ ихъ нужды и жизнь и стараясь изучить каждого изъ нихъ, дабы вліять на нихъ возможно успѣшнѣе и благотворнѣе, надзиратели употребляли всѣ необходимыя мѣры къ развитію въ ученикахъ нравственныхъ чувствъ и добрыхъ навыковъ, исправляя ихъ пороки и преслѣдуя въ нихъ жестокость, грубость и проявленіе дурныхъ привычекъ. За проступки

*) См. № 7 за 1838 г. наш. Вѣд.).

надзиратели карали главнымъ образомъ морально; но воздѣйствуя на совѣсть виновныхъ словомъ порицанія, укора и внушенія, особенно грубыхъ и нерадивыхъ подвергали, сообразно указаніямъ своей инструкціи (§ 14), лишенію отпуска, а лѣнливыхъ оставляли заниматься въ то время, когда другіе пользовались отдыхомъ. — Такая постановка воспитательнаго дѣла замѣтно помогала развитію въ воспитанникахъ школы религіозности, совѣстливости и сознанія долга, дружелюбія, искренности и правдивости въ отношеніи товарищей, преподавателей и начальства. Являлось правильное пониманіе чувства чести своей, основанное на чувствѣ исполненнаго долга и своего истинно человѣческаго достоинства; не было наущничества, но было открытое признаніе своей вины и проступка другихъ *).

И преподаватели веденіемъ учебнаго дѣла и нравственнымъ вліяніемъ на учащихся помогали развивать въ нихъ нравственныя чувства и приучать къ правиламъ добраго поведенія. Ежемѣсячно обсуждались въ собраніяхъ Совѣта успѣхи и поведеніе воспитанниковъ и преподаватели принимали дѣятельное участіе въ разъясненіи причинъ неблагоповеденія того или другаго воспитанника, сообща придумывались мѣры ихъ исправленія и вообще лучшей постановки не учебнаго только, но и воспитательнаго дѣла школы. Такая дружная работа, соединенная съ искреннимъ желаніемъ правильно поставить Церковно-Учительскую школу, гдѣ надзиратели, преподаватели и др. члены Совѣта, участвуя въ устроеніи школы новаго типа, желая и отъ себя что-либо доброе сдѣлать для организациі этого учебнаго заведенія, не мало помогли ей достигнуть той степени развитія, какого она могла достигнуть въ первый годъ своего обновленнаго существованія, измѣняясь, отбрасывая недостатки и усвая, въ видахъ усовер-

*) Квартирныхъ воспитанниковъ въ Церковно-Учительской школѣ не было и она старается избѣгать ихъ. Этимъ значительно облегчается учебно-воспитательный надзоръ и уменьшается возможность соблазнительныхъ и развращающихъ вліяній темныхъ сторонъ городской жизни, могущихъ противодействовать добрымъ вліяніямъ школы. Но, какъ исключеніе, уставомъ школы допускается пріемъ и квартирныхъ. „Въ школу допускаются и приходящіе, но лишь живущіе въ домахъ родителей и сироты, живущіе у родственниковъ, на содержаніи коихъ они состоятъ (§ 57 Устава).

шенствованія, много новаго. Завѣдующій школою, на долю котораго выпало принимать ближайшее участіе въ организаціи школы, какъ въ смыслѣ выработки строя ея жизни, путемъ устава и инструкцій, такъ и осуществленія этихъ началъ въ жизни школы, бывалъ въ ней, за весьма рѣдкими исключеніями, каждый день и въ разное время дня, присматриваясь, устроая и направляя школу по намѣченному для нея пути.—Необходимо прибавить, что Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Сумеонъ, близко внималъ во внутреннюю жизнь школы и направлялъ ея ходъ своими распоряженіями чрезъ завѣдующаго и др. служащихъ въ ней лицъ, получая свѣдѣнія о ея состояніи лично при своихъ посѣщеніяхъ ея и чрезъ начальствующихъ въ ней. Его Преосвященство зорко слѣдилъ также и за поведеніемъ воспитанниковъ въ церкви: за поведеніемъ стоящихъ въ рядахъ, за чтеніемъ очередныхъ воспитанниковъ и пѣніемъ хористовъ, лично ихъ узнавая, какъ будущихъ учителей и псаломщиковъ. Такое близкое и дѣятельное участіе Его Преосвященства въ организаціи школы дало ей надлежащую крѣпость и стройность и служить залогомъ ея дальнѣйшаго развитія для пользы епархіи.

Примѣчаніе. Вѣдомости о поведеніи воспитанниковъ Церковно-Учительской школы свидѣтельствуютъ, что (принимая во вниманіе продолжительную до—школьную жизнь большинства поступившихъ въ нее, а также испорченные характеры тѣхъ немногихъ, которые были замѣчаемы въ проступкахъ) въ общемъ можно признать ихъ поведеніе за 1896/7 учебный годъ—удовлетворительнымъ. Именно: за сентябрь отмѣченъ балломъ по поведенію 4 одинъ изъ I класса за грубое отношеніе къ надзирателямъ и нарушеніе порядковъ школы,—къ сожалѣнію, не смотря на всѣ заботы о немъ, ученикъ этотъ и потомъ (въ числѣ нижеуказанныхъ) отмѣчался по поведенію не вполне удовлетворительнымъ и наконецъ былъ уволенъ изъ школы. Изъ II класса баллъ 4 по поведенію получило три человекъ—все за проявленіе грубаго своего права. За октябрь баллъ 4 по поведенію получило 2 ученика I класса (въ томъ числѣ одинъ и за прошлый мѣсяць, имѣвшій тотъ же баллъ), во II одинъ и прежде замѣченный въ плохомъ поведеніи,—и былъ уволенъ изъ школы. За ноябрь мѣсяць 4 по поведенію имѣлъ одинъ ученикъ за куреніе табаку и грубое обращеніе

сть товарищами и за упущеніе безъ уважительной причины Бого-служенія, а другой (и прежде замѣченный) за отлучки изъ школы безъ дозволенія надзирателей (оба втораго класса).—За декабрь и январь мѣсяць отмѣченъ балломъ 4 по поведенію одинъ только ученикъ I класса—за то, что, отправившись въ городъ на нѣсколько часовъ, явился только на другой день и не выполнѣ трезвымъ, и за то, что переправилъ отмѣтку въ билетъ и явился уже 6 дней спустя послѣ начала занятій безъ уважительной причины; о немъ было сообщено его родителямъ и лишень онъ былъ права отпуска въ городъ, но въ тотъ же мѣсяць былъ уволенъ изъ школы по прошенію. За февраль и мартъ балломъ 4 отмѣчено 6 чело-вѣкъ—три перваго и три втораго класса; кромѣ трехъ, и ранш отмѣченныхъ такимъ балломъ за свои прежніе пороки, три остальныхъ позволили себѣ самовольно на нѣсколько часовъ отлучиться изъ школы. За апрѣль и май баллъ 4 получилъ только одинъ ученикъ I класса и прежніе мѣсяцы почти всегда имѣвшій его.—Такимъ образомъ официальные данныя свидѣтельствуютъ, что порядки школы, внимательный надзоръ, книжныя занятія, бесѣды нравственно-воспитательнаго характера,—все это измѣняло и улучшало воспитанниковъ, давая имъ новыя привычки, понятія и чувства, и только единицы изъ нихъ оказались недоступными добродушному вліянію и уволенными изъ школы.

Библиотека и учебно-воспитательные предметы при школѣ.

Церковно-Учительская школа въ отчетномъ учебномъ году, еще не вполне благоустроенная въ экономическомъ отношеніи, не могла пріобрѣсть въ достаточномъ количествѣ книгъ для чтенія воспитанниковъ. Всего книгъ и брошюръ было 229 экземпляровъ разныхъ названій. Учебныхъ же книгъ по разнымъ предметамъ школьнаго курса Церковно-Учительской школы 78 экземпляровъ. Учебными книгами школа была снабжена въ достаточномъ количествѣ, а пособиями—по одному на нѣсколько челоуѣкъ. Было также въ достаточномъ количествѣ и садовыхъ инструментовъ. Но по недостатку средствъ она не могла пріобрѣсть достаточно скрипокъ,— всего было 6. Для Совѣта школы, преподавателей и воспитанни-

ковъ были выписываемы слѣдующія повременныя изданія: „Церковныя Вѣдомости“, „Народное Образованіе“; „Церковно-приходская школа“, „Церковный Вѣстникъ“ съ „Христіанскимъ Чтеніемъ“, „Душеполезное Чтеніе“, „Русскій Паломникъ“, „Воскресный день“, „Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости“ и безцѣнно получались „Екатеринославскія Епархіальныя Вѣдомости“.

Образцовая одноклассная церковно-приходская школа.

Образцовая церковно-приходская школа, основанная для подготовки къ дѣлу учительства въ начальныхъ церковныхъ школахъ воспитанниковъ Церковно-Учительской школы, находится въ вѣдѣніи Совѣта школы и въ непосредственномъ наблюденіи преподавателя педагогики. Организована она слѣдующимъ образомъ (согласно проекту бывшаго ея руководителя Г. Соколова, журналъ Совѣта школы 1894 года № 6).

Начало и окончаніе ежедневныхъ занятій въ ней совпадаетъ съ началомъ и окончаніемъ занятій въ Церковно-Учительской школѣ, т. е. ученіе въ ней начиналось въ 8¹/₂ часовъ утра и оканчивалось въ 11 ч. 50 м. дня. Такимъ образомъ дообѣденныхъ было 3 урока по 1-му часу съ перемѣнами въ 10 минутъ. Послѣобѣденныя занятія начинались въ часъ дня, состояли изъ двухъ уроковъ по ³/₄ ч. каждый, перемѣна между ними въ 10 минутъ. Утреннія занятія предваряются чтеніемъ молитвъ, которыя читаются дежурнымъ ученикомъ или ученицею II-го отдѣленія образцовой школы; нѣкоторыя молитвы (указанныя для того въ программахъ церковно-приходскихъ школъ) поются; вечернія занятія заканчиваются чтеніемъ и пѣніемъ вечернихъ молитвъ. На молитвѣ утренней и вечерней присутствуютъ: учитель школы и дежурные воспитанники Церковно-Учительской школы. Утреннія занятія велѣтъ учитель школы (онъ же и законоучитель, въ виду трудности найти для сего отдѣльное лицо, достаточно свободное), а дежурные воспитанники присутствовали только, какъ зрители (согласно опредѣленію Св. Синода, „Церковныя Вѣдомости“ 1889 года № 26) и только разъ въ недѣлю (по субботамъ) давались воспитанниками II-го класса пробныя уроки. Учитель въ теченіе первыхъ двухъ

учебныхъ мѣсяцевъ вѣль и послѣобѣденныя занятія.— Согласно опредѣленію Св. Синода („Церковныя Вѣдомости“ 1891 года № 48), которое примѣнялось и въ Церковно-Учительской школѣ, воспитанники ея проводили по дежурству цѣлый день въ начальной образцовой школѣ: 1 воспитанникъ перваго класса и 1 втораго. Дежурные наблюдали, какъ происходить занятія въ школѣ, и вели дневники, въ которыхъ записывали, чѣмъ въ школѣ занимались въ дообѣденное время и какъ шли занятія. Такъ какъ послѣобѣденныя занятія имѣли главнымъ образомъ характеръ повтореній, то дневники для воспитанниковъ II-го кл. служили и конспектами ихъ вечернихъ занятій. Воспитанники же перваго класса только слѣдили за занятіями, не принимая въ нихъ активнаго участія весь первый учебный годъ (кромѣ случаевъ внезапной болѣзни въ день своего дежурства воспитанника II-го кл.). Приходя въ школу къ началу утренней молитвы (къ 8¼ утра), уходя только по окончаніи третьяго урока, являясь къ часу дня и уходя потомъ позже трехъ (послѣ вечерней молитвы), воспитанники Церковно-Учительской школы въ дни своего дежурства принадлежатъ всецѣло школѣ, а потому освобождаются отъ всѣхъ другихъ обязанностей, могущихъ отвлекать ихъ отъ образцовой школы. Дежурство продолжалось и въ дни праздничные и воскресные для тѣхъ, кто былъ въ школѣ наканунѣ неучебныхъ дней, и состояло въ томъ, что школьники собирались въ школу и оттуда, послѣ объясненія исторіи и особенностей праздника и объясненія Евангелія учителемъ школы или воспитанникомъ II-го класса, шли въ церковь: такъ давалось воспитанникамъ сознание религиозно-воспитательныхъ задачъ въ отношеніи учениковъ церковныхъ школъ и навыкъ осуществленія ихъ.— Воспитанники Церковно-Учительской школы, какъ во время дообѣденныхъ уроковъ, такъ и послѣ обѣда находятся подъ ближайшимъ надзоромъ учителя, который, насколько оказывалось то нужнымъ, давалъ имъ указанія и совѣты. Руководитель школы, кромѣ классныхъ занятій по дидактикѣ (2 уроковъ во второмъ и I въ первомъ классѣ), чтенія дневниковъ и другихъ даваемыхъ имъ работъ, посѣщалъ школу какъ въ дообѣденное время, такъ—по временамъ—и въ послѣобѣденное—по своему усмотрѣнію, но не менѣе 3-хъ разъ въ недѣлю. До обѣда онъ посѣщалъ школу, какъ для того, чтобы руководить веденіемъ

пробныхъ уроковъ воспитанниковъ, такъ и для того, чтобы руководить занятіями учителя и законоучителя и слѣдить за объемомъ, характеромъ и направлениемъ ихъ преподаванія, согласно опредѣленію Св. Синода отъ $\frac{3 \text{ февр.}}{24 \text{ март.}}$ 1889 года, въ коемъ сказано: „по вопросу о томъ, въ чемъ должно выражаться наблюденіе надъ школою и руководство ею со стороны учителя дидактики по отношенію къ учителю и законоучителю, разъяснить, что въ семъ отношеніи учитель дидактики слѣдитъ за тѣмъ, чтобы по всеѣмъ предметамъ обученіе велось въ объемѣ и направленіи программъ для церковно-приходскихъ школъ и объяснительнымъ къ нимъ запискамъ, утвержденнымъ Св. Синодомъ, что въ этомъ именно смыслѣ преподаватель дидактики, какъ руководитель школы — специалистъ, имѣетъ давать въ потребныхъ случаяхъ указанія учителю и законоучителю школы“. Послѣ объѣда онъ бывалъ въ школъ для того, чтобы руководить занятіями воспитанниковъ Церковно-Учительской школы и каждого изъ нихъ видѣть во время занятій, чтобы судить о степени ихъ подготовки къ педагогическому дѣлу, и такимъ образомъ руководитель образцовой школы имѣлъ въ виду весь строй школы, „стараясь при этомъ (согласно Синодальному опредѣленію), чтобы самая образцовая школа была устроена и направляема по типу церковно-приходскихъ школъ“, а также имѣлъ въ виду и всеѣхъ въ ней учащихся, а не только практикантовъ-воспитанниковъ Церковно-Учительской школы, ибо достоинства занятій послѣднихъ обусловлены постановкою дѣла первыми: послѣдніе не могутъ дать дѣтямъ того, чего сами не видѣли на урокахъ учителя или законоучителя, или заниматься съ дѣтьми лучше сихъ послѣднихъ. Руководитель заботился не только о надлежащей организаціи школы и ея направленіи согласно задачамъ церковной школы, но и снабженіи ея всеѣми нужными для успѣха въ занятіяхъ пособіями. — Въ отчетномъ году преподаватель педагогики былъ въ то-же время и завѣдующимъ Церковно-Учительскою школою.

(Окончаніе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

— *Щаубныя послѣдствія пльства.* Въ послѣднее время въ заграничной печати собрано не мало матеріала, выясняющаго па-

губныя послѣдствія пьянства, противъ котораго вездѣ ведется теперь энергическая борьба. Матеріаль этотъ весьма поучителенъ, какъ показываетъ обстоятельный этюдъ Оскара Геллера объ алкоголизмѣ, напечатанный въ вѣсныхъ газетахъ. Извлекаемъ изъ него важнѣйшія данныя.

„Въ Бельгіи, говоритъ „Новое Время“, до 27 процентовъ преступленій приписывается пьянству. Въ Америкѣ изъ 49,323 судившихся преступниковъ 30,509 оказалось пьяницами. Въ Голландіи четыре пятыхъ преступныхъ мотивовъ объясняется пьянствомъ. Въ Швейцаріи три четверти преступленій совершены пьяницами. Изъ 90,000 осужденныхъ въ Англіи въ послѣдніе годы, до 50,000 были заведомыми кабаковъ. Франція доставляетъ судамъ 10 процентовъ алкоголиковъ, Германія—41 процентъ. Наибольшій процентъ алкоголиковъ въ ряду преступниковъ приходится въ тѣхъ странахъ, гдѣ менѣе производится вина и болѣе потребляется алкоголя. Но еще хуже спирта дѣйствуютъ на мозгъ человѣка ликеры, изготовляемые изъ абсента и вермута. Кромѣ спирта, эти ликеры, по химическому анализу, произведенному Оскаромъ Геллеромъ, содержатъ особыя яды, вредоносные именно для нервныхъ центровъ.

Алкоголь возбуждаетъ свою жертву, прокладывая ему дорогу къ преступности быстрыми, автоматическими дѣйствіями, все болѣе и болѣе пріучая его пить. Онъ убиваетъ всякія благородныя чувства и превращаетъ здоровый мозгъ въ больной. У пьяницъ замѣчается склерозъ мозга, почекъ и печени. Алкоголь, дѣйствуя объясняющимъ образомъ, приводитъ къ преступленію. Въ Лондонѣ насчитывалось въ прошломъ году 4,938 шинковъ, гдѣ толкутся одни воры и падшія женщины. Отношеніе алкоголя къ преступленію выражается тѣмъ, что выпущенные изъ тюрьмы находятъ забвеніе и утѣшеніе въ бутылкѣ. Поэтому то алкоголизмъ часто встрѣчается у рецидивистовъ. Матѣю почти всѣхъ Лондонскихъ воровъ находилъ пьяными въ обѣденное время, и большинство ихъ между 30 и 40 годами умираетъ отъ отравленія алкоголемъ. Въ кругу ссыльныхъ на Нумей вино сдѣлалось своего рода ходячей монетой. Рубаха стоитъ тамъ одинъ литръ, а сюртукъ два литра, столько же за брюки.

Не безынтересно узнать, какого сорта преступленія бываютъ

обязаны алкоголизму. По статистическимъ таблицамъ Баера, всего чаще встрѣчаются тѣлесныя поврежденія, преступленія противъ нравственности, противоdвѣйствія властямъ, затѣмъ идутъ убійства, поджоги и воровство. У пьящихъ по привычкѣ всего чаще встрѣчаются преступленія противъ собственности. Минимумъ пьяницъ приходится на фальшивыхъ монетчиковъ и мошенниковъ.

По изслѣдованіямъ Грассе, дѣти пьяницъ подвергаются вліянію алкоголя, сами не будучи пьяницами. Французскіе изслѣдователи нашли между алкоголиками страдающихъ алкоголизмомъ наслѣдственно.

По Тардѣ, признакомъ пьяницъ, совершающихъ преступленія, является полная апатія и равнодушіе, беззаботность относительно своего положенія и у пьяницъ это яснѣе обнаруживается, чѣмъ у заправскихъ преступниковъ.

Совершая преступленіе, пьяница поступаетъ обыкновенно „автоматично“. Опьяненіе вооружаетъ его руку, разжигаетъ страсть, отуманиваетъ здравый смыслъ и совѣсть, атрофируетъ чувство стыда. Преступное дѣло совершается точно въ сонномъ состояніи, нерѣдко въ полномъ противорѣчій съ прежней жизнью пьяницы. Такой субъектъ находится въ своего рода психической эпилепсіи, обусловливаемой отравленіемъ алкоголемъ, которая бываетъ совершенно сходна съ наслѣдственной эпилепсіей, и, подобно этой послѣдней, безъ нагляднаго повода можетъ побуждать также къ убійству и самоубійству. Мысль внезапно переходитъ въ дѣло. Полное отсутствіе нравственнаго чувства не знаетъ никакихъ препятствій.

Извѣстный вѣнскій психіатръ Крафтъ-Эбингъ и Марсель 23 раза наблюдали пьяницъ, которые совершали жено-убійства лишь на основаніи ничѣмъ подтвержденныхъ подозрѣній своихъ женъ въ невѣрности. Точно также и наслѣдственные эпилептики въ припадкахъ злоупотребляютъ своей физической силою.

Иллюзіи то веселія, то ужасающія поддерживаютъ въ алкоголикѣ постоянный страхъ. Онъ бываетъ увѣренъ, что у него отняли носъ, ноги, уша. Иные воображаютъ себя въ цѣпяхъ, прикованными къ цѣлымъ грудамъ труповъ. Несчастные бросаются на колѣни и умоляютъ о пощадѣ, милости, смерти. Нерѣдко они приходятъ въ состояніе бѣшенства. Воображая себя въ борьбѣ съ дикими звѣрями или ворами, они выбрасываются изъ оконъ или выскакиваютъ часто нагими на улицу и нападаютъ

на перваго попавшагося прохожаго. Такого рода состояніе встрѣчается особенно у эпилептиковъ.

Крафтъ-Эбингъ устанавливаетъ извѣстное родство между пьяницами и эпилептиками. Многіе преступленія первыхъ носятъ отпечатокъ послѣднихъ, а именно: ихъ цинизмъ, ихъ ненасытную жестокость съ циническимъ юморомъ, автоматичность и перемежаемость поступковъ. Бурневильъ вѣшалъ, что большинство эпилептиковъ (51 процентъ) происходятъ отъ пьяницъ, причемъ злополучная эпилепсія въ несчастныхъ потомкахъ усиливается во сто кратъ.

Итакъ, за грѣхи отцовъ горько расслачивается потомство. И не отрадно то слабое утѣшеніе, что помянутое предрасположеніе исчезаетъ только въ седьмомъ-восьмомъ поколѣніи, и съ этихъ позднихъ потомковъ начинается новая, лучшая порода людей.

Въ виду указанныхъ, поистинѣ ужасныхъ, послѣдствій алкоголизма въ послѣдніе годы и у насъ на Руси ведется усиленная борьба противъ этого порока со стороны правительства путемъ упорядоченія питейной торговли и постепеннаго прекращенія распивочной продажи питей, а со стороны общества—особенно въ великорусскихъ губерніяхъ—учрежденіемъ обществъ трезвости. Такъ какъ инициатива въ этомъ случаѣ принадлежитъ по преимуществу приходскимъ пастырямъ, то нельзя не пожелать, чтобы она обратила на это особенное вниманіе, а также и другими мѣрами содѣйствовали искорененію пьянства въ народѣ. Проповѣдь противъ этого порока особенно умѣстна, когда, по случаю праздниковъ, злоупотребленія водкою наиболее часты.

(Взято изъ Кишен. Еп. Вѣд.)

Хроника Епархіальной жизни.

1-го Марта, Воскресенье, Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Сѣмеонъ, изволилъ совершать Божественную литургію въ Каѳедральномъ соборѣ,—въ сослуженіи: Каѳедральнаго протоіерея П. Доброхотова, ключаря собора прот. М. Знаменскаго, священ. Ѳ. Россинскаго, Д. Рѣпинскаго, Ѳ. Ѳедорова и Ф. Гераскевича. За литургіей Его Преосвященствомъ посвящено въ стихарь 4 воспитанника 6 класса Екатеринбургской Духовной Семинаріи и рукоположенъ во діакона псаломщикъ Матѳей Ивановъ. По окончаніи литургіи съ градскимъ духовенствомъ совершена панихида по въ Бозѣ почившихъ Государяхъ Императорахъ Александрѣ II и Александрѣ III.

27 Февраля и 6 Марта, Его Преосвященство въ Крестовой церкви на повечеріи, читаль „Пассію“ и произнесъ слово...

Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Сумеонъ, Епископъ Екатеринославскій и Таганрогскій, изволилъ присутствовать на урокахъ:

27 Февраля, въ 6 классѣ на двухъ урокахъ въ Екатеринославскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ.

2 Марта, въ Екатеринославской мужской гимназіи и въ 8 классѣ городской женской.

3 Марта, въ Покровской церковно-приходской школѣ.

4 Марта, въ 4 классѣ Екатеринославскаго духовнаго мужского училища и осматривалъ мѣстную больницу.

5 Марта, во Владимірской и Троицкой церковно-приходскихъ школахъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ

ЖИВОПИСЦА

В. Р. МАСЮТИНА.

Принимаются заказы на всѣ церковныя работы, какъ-то: устройство новыхъ Иконостасовъ и перезолоту старыхъ, образа для иконостасовъ съ живописными и золочеными цированными и чеканными фонами, росписаніе церквей священно-исторической живописью и орнаментами, росписаніе фронтоновъ, позолоту главъ, крестовъ, окраску церквей и проч. Всѣ заказы исполняются прочно, аккуратно и по умѣреннымъ цѣнамъ.

Прошу обращаться съ заказами по слѣдующему адресу: Г. Екатеринославъ, Троицкая улица, домъ Погуляевой, Иконостасная мастерская, Владиміру Родіоновичу Масютину. № 1—36.

Редакторъ, Инспекторъ Семинаріи *Матвій Монастырьевъ*.

Дозволено цензурою. Екатеринославъ, 7-го Марта 1898 года. Деворъ, протоіерей *М. Знаменскій*.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Герейская совѣсть и священническая честность. II. Отчетъ Екатеринославской Церковно-Учительской школы по учебно-воспитательной части за 1896/7 учебный годъ. III. Извѣстія и замѣтки. IV. Хроника Епархіальной жизни. V. Объявленіе.

Печ. въ тип. „Высочайше утвержденнаго Т-ва Печатня С. П. Яковлева“.